

НАШ СОВРЕМЕННИК

Сегодня, в день 60-летия Академического театра имени Евг. Вахтангова на его сцене в 2000-й раз будет показана «Принцесса Турандот» К. Гоцци, поставленная Евг. Вахтанговым и восстановленная после некоторого перерыва Рубеном Николаевичем Симоновым.

Р. Н. Симонов, воспринявший, продолживший, и в дальнейшем воплотивший на сцене

театра творческие принципы Евгения Багратионовича Вахтангова, сделал Театр им. Евг. Вахтангова таким, каким мы его знаем и любим. Это театр-праздник, театр — наша история и, главное, всегда наш современник. В этом — непреходящее значение таланта Рубена Николаевича Симонова, воспоминания о котором предлагаем нашим читателям.

Основа таланта, человеческой сути Рубена Николаевича Симонова — его жизнелюбие. Жизнелюбие помогало преодолевать все препятствия на его пути, все трудности. Оно опрокинуло и саму старость: Рубен Симонов был молод до конца дней своих. Для него самой высокой драматургией была сама жизнь. Искусство же — продолжение жизни, театр — средство для выражения любви к жизни.

Рубен Николаевич мог быть и бывал гневным, раздражительным, обидчивым. Но я ни разу не видел его страдальцем или мучеником, хотя жизнь его не всегда была гладкой и ровной. Он мог выступить один против всех, когда чувствовал за собой правду, но выступить не за себя, а за других.

Талантливый режиссер всегда предчувствует в молодых, неизвестных прекрасную неожиданность и дает молодому актеру ответственную роль: в результате выигрывают все — режиссер, актер, зритель, а следовательно, и театр. Это хорошо понимал Рубен Николаевич. Он видел в нем еще не известных молодых актерах, еще студентах, будущее театра.

Это хорошо понимают и сейчас в нашем Театре имени Евг. Вахтангова.

Симонов много рассказывал мне о Федоре Ивановиче Шаляпине. Однажды студийцы шаляпинской студии, в которой он больше года учился, послали его с каким-то поручением к Шаляпину. «Когда я вошел в комнату, я увидел Федора Ивановича, — рассказывал Рубен Николаевич, — как говорит, в рост, темечком он подпирает потолок. Он был в халате, в левой руке чашка кофе, в правой — плетка. Вид у него был грозный. «Что тебе надо?» Я изложил поручение студии и хотел ретироваться, но Шаляпин остановил меня: «Посмотри-ка». И могучим, широким жестом от плеча швырнул плетку в кресло, стоявшее посреди комнаты. Плетка, ударившись о кресло, упала на пол плашмя. Шаляпин нахмурился: «Не получилось» — и снова швырнул плетку. На сей раз она

звизгала в воздух и упала на пол, извиваясь. «Ну, как?» — «Змея, Федор Иванович». — «Целый час быюсь над этим», — сказал Шаляпин.

И когда Рубен Симонов удивился, зачем такому мастеру, гениальному артисту так долго тренировать каждое движение, Шаляпин возразил: «Нет, не каждое... Я тренирую и фиксирую только такое движение, которое говорит зрителю то, что не могут сказать в сцене ни музыка, ни слово».

Он помнил все, что говорил ему Федор Иванович, а я был молод, куда-то спешил... И здесь я хочу вот что сказать: существует некоторое невинное к уходящему поколению, которое протягивает молодежи то, что им нужно с трудом и мукой: берегите, храните, несите дальше, развивайте! И как часто молодые люди, ушедшие в себе, не принимают или роняют то, что передает им уходящее поколение.

Шаляпин говорил тогда Симонову: «Я разворачиваю жест, потому что меня от галерки отделяет расстояние, я должен преодолеть это расстояние, потому что там, на галерке, тоже люди сидят. Они моей мимикой не видят, моего лица не видят, поэтому мое лицо, моя мимика — все тело мое. А чтобы этот жест не показался нарочитым, наигранным, я его наполняю чувством».

Рубен Николаевич Симонов, как никто, знал и понимал законы сценического движения. Он и в жизни был очень пластичен. На сцене был раскован, раскрепощен, но до определенной границы. Вот это «до» — очень важно.

Рубен Николаевич понимал, что поэзия поднимает театр на самую высокую ступень. Поэтическое восприятие Симонова сочеталось с пластической завершенностью формы. Он обладал безупречным вкусом и совершенным мастерством в области художественной формы. А если уж совсем коротко, я бы сказал так: идеальное чувство формы, одухотворенное поэзией.

Всем известно, как Рубен Николаевич читал Пушкина,

Лермонтова, Некрасова, Блока, Маяковского. Он идеально чувствовал ритм, музыкальность стиха, непрерывность движения, смену ритма. Чувствовал стиль автора. Поэзию воспринимал и выражал умно.

Рубен Николаевич много лет руководил Театром имени Евг. Вахтангова, был ведущим актером, главным режиссером. И всегда утверждал на театре не себя, прославлял не себя, а учение Евгения Вахтангова. Выступал ли на творческом диспуте — говорил о Вахтангове. Писал ли он книгу — писал не о себе, о Вахтангове. Он проповедовал Вахтангова, защищал его дело, его заветы.

Сейчас говорят «был у Ефремова», «у Товстоногова», «у Любимова» (или «на Таганке»), так говорили о театре Охлопкова, Завадского. Но никогда никто не говорил и не говорит, что был или были у Симонова, а говорили и говорят — «у вахтанговцев». «Вахтанговцы» — это не просто понятие. В этом слове один из секретов нашего театра, оно объединяет нас в трудные дни, и в этом величайшая заслуга Рубена Симонова.

В театре надо утверждать не себя. В театре надо утверждать хороший театр. А хороший театр — это прежде всего искусство коллективное.

Наступает момент в жизни того или иного актера, художника, когда не надо гнаться наперегонки, возвышаться над другими, когда надо раствориться в других — это свойственно высокому таланту. Высокий талант — это прежде всего человеческая щедрость. И чем больше отдаешь, тем больше места освобождаешь для новых замыслов и свершений. Такими были Станиславский, Вахтангов и, конечно, Симонов.

О Рубене Николаевиче можно говорить много, бесконечно много. Нужно говорить и писать о том, что проповедовал Рубен Николаевич в искусстве.

А. КАЦЫНСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР.

Сов. культура, 1981, 13 нояб.